Странные и прекрасные вещи происходят с каждым из нас ежедневно. Маленькие истории и значительные события влияют на нашу жизнь, наш характер, нашу судьбу. Ирландский философ, эстет, писатель, поэт Оскар Уайльд однажды сказал, что «…жизнь не делится на мелочи и важные вещи. В жизни все одинаково важно…». Рассказывая истории из своей жизни, мы делимся друг с другом своими воспоминаниями. Они бывают смешными и забавными, грустными и тяжелыми, но все равно остаются для нас важными. Газета «Вести» продолжает публикацию интересных историй из жизни простых людей нашей страны под общей рубрикой «Однажды…».

Однажды на дороге

Мой папа всегда мечтал о сыне, но судьба дарила ему лишь дочерей. В компании друзей он называл себя ювелиром, однако втайне не терял надежду на рождение наследника. Когда мама оказалась беременна в четвертый раз, папа превратился в настоящего шамана. Супруге он подкладывал какие-то заговоренные местной деревенской бабушкой травки, собирал дождевую воду и поил ею маму по утрам. Что-то бесконечно шептал маме в живот и постоянно заставлял ее есть мясо, хотя мама предпочитала исключительно рыбные блюда. Три мои сестры-погодки, учившиеся в разных классах одной школы, быстро подключились к этим заговорам. Начитавшись в местной сельской библиотеке, где мама работала, журналов и книг про старославянские обряды, они натащили в дом веточки, камни, ягоды и сделали обереги своими руками.

Так общими усилиями семьи в 1987 году появился на свет я – долгожданный сынок.

Рос я в любви и заботе. Девчонки-сестренки не спускали меня с рук. У каждой была своя обязанность.

Самая старшая – Оля – была главным воспитателем. Средняя, Настя, отвечала за мой досуг, с ней мне никогда не было скучно. Но все тяготы бытовой жизни почему-то взяла на себя младшая из сестер – Машенька. Она варила мне кашу, кормила, мыла, переодевала, и больше всех целовала.

Вот так прошло мое детство, что называется, в малиннике. Но как только я отправился в первый класс, «малинник» закончился.

Чтобы прокормить семью из шести человек, отец много работал. Кроме тяжелого физического труда в совхозе, он еще содержал небольшое подворье со свиньями и огромный огород, в котором росло абсолютно все.

Маму отец очень любил и не допускал к грязной работе с землей или с животными.

Мне он всегда говорил, что мальчик с рождения должен быть мужчиной и не бояться браться за любую работу ради семьи. Девчонки пытались меня оградить от нашей «фазенды», умоляли папу не эксплуатировать труд совсем еще маленького сына. Но отец ничего не хотел слушать. Его главной задачей было сделать из меня выносливого, крепкого духом и телом юношу.

Сначала я до одури боялся наших свиней, мне казалось, они растопчут меня или съедят. Папа спокойно объяснял, как с кем надо себя вести. Через год у нас появились курочки. Когда я собрал своими руками первый десяток домашних яиц, то, не дожидаясь папу, сложил их в пакет и побежал к маме показывать результаты своих трудов. По дороге я споткнулся и, не удержав равновесие, со всего маху шарахнул пакетом о землю. Яйца разбились вдребезги. Мои глаза мгновенно наполнились слезами от обиды и злости на себя, но показывать их в доме было очень стыдно.

Как только я вытер глаза, увидел папу, идущего домой на обед. Увидев разбитые яйца, папа все понял и спросил, зачем я так спешил. В ответ я сказал, что хотел угостить родных первым яичным урожаем и доказать свою самостоятельность маме и сестрам. Папа улыбнулся, прижал меня к себе, похвалил за заботу о наших женщинах, но объяснил, что спешить не нужно, второпях можно потерять самое главное, ради чего все было устроено, совсем как с этими битыми яйцами.

Мы зашли домой вместе и под хохот девчонок рассказали об этой истории. Когда смех утих, мама поцеловала меня в лоб, назвала настоящим мужчиной, взяла пакет, пропустила содержимое через сито и со словами «из каждой ситуации можно найти выход» приготовила самый вкусный пышный ярко-желтый омлет.

Много забавных историй было в нашей семье, но слова родителей после того случая я запомнил навсегда. Старался никого не унижать, быть справедливым, если попадал в передряги – искал достойный выход с минимальными потерями для себя и близких. Однако все предусмотреть в жизни у меня не получилось…

Сестры одна за другой окончили школу и переехали жить и учиться в город, расположенный в шестидесяти километрах от нашего села. Несмотря на то, что мама очень тосковала по своим девчонкам, переехать к ним мы смогли лишь тогда, когда я окончил школу.

В стране вовсю бушевали рыночные отношения, совхоз приватизировали и сократили почти половину работников, в том числе и моего отца. Удачно продав подворье, мы собрали все самое ценное и перебрались в город, в котором я уже тайно мечтал жить с первой минуты разговоров сестер.

Наконец-то однообразная и тяжелая сельская жизнь закончилась.

Вместо каждодневного беспросветного труда, уборочных и посевных, утреннего кормления и вечернего сбора жизнедеятельности многочисленной живности началось гуляние в парках, посещение дискотек и видеосалонов.

Я был на седьмом небе от счастья. Летом я устроился работать на местный рынок грузчиком, но меня почему-то называли «помогайкой».

Папа смог найти работу в аэропорту, мама пошла работать в центральную библиотеку. Нам не хватало времени, чтобы поделиться всем тем новым, что узнавали за день. Сестрички слушали нас и смеялись, ведь к тому времени они считались полноценными городскими жительницами, искушенными цивилизованной жизнью.

Помню разговоры про черный четверг 1998 года, когда доллар взлетел до небес за одну

ночь. Однако мы жили просто и не имели никаких накоплений и больших долгов, так что общий долларовый психоз прошел мимо нашей семьи.

Время шло своим чередом, сестры вышли замуж, нарожали детей.

Вскоре на семейных торжествах стало тесно, и поэтому приходилось ставить несколько столов, чтобы уместить всех родственников.

Я окончил университет, получил техническую специальность, а, учитывая то, что в вузе была военная кафедра, служить в армию я не пошел и устроился работать инженером-наладчиком холодильного оборудования торгового порта нашего города. Работодатели платили достойную зарплату.

Памятуя о словах отца, я не чурался любой дополнительной работы, даже если она была тяжелой. Через год ответственного труда я накопил денег на первую в своей жизни машину. Ее покупку мы всей семьей отмечали несколько дней. Первая мечта сбылась, следующей была встреча со своей половинкой, первой и единственной любовью.

Однажды я познакомился с очаровательной девушкой, очень похожей на мою младшую сестренку. Мы договорились о встрече, я решил купить цветы. Когда букет заворачивали в бумагу, на улице начался сильный ливень. Мама всегда говорила, что дождь на свидании – это к свадьбе, поэтому, нисколько не расстроившись, я набросил куртку на голову, спрятал букет за пазуху и побежал к машине навстречу, как мне казалось, к своей счастливой судьбе…

До дома моей девушки оставалось несколько кварталов, как вдруг я увидел ребенка лет семи, который выскочил прямо перед моей машиной. Я резко нажал на педаль тормоза, машина завизжала, но удара было не избежать. Глухой стук о капот прогремел для меня, словно удар грома. Мое сердце оборвалось. Не помня себя, я выскочил из машины и кинулся к ребенку. Тут же подбежала женщина и что-то неразборчиво стала кричать. На улице уже темнело, дождь лил как из ведра, фонари вдоль дороги еще не работали, только свет фар моей машины показал весь ужас той картины.

Перед машиной лежал окровавленный мальчик, а я не мог понять, как это произошло. Женщина схватила бездыханное тело ребенка и стала кричать еще громче. Кровь ручьем текла из его головы. Придя в себя, я вызвал скорую помощь. Врачи приехали очень быстро, однако помочь они не смогли, мальчик к тому времени был уже мертв…

В процессе следствия выяснили, что родители мальчика развелись. Мама ребенка решила переехать жить отдельно, но мальчик все время хотел вернуться к отцу. В тот вечер они возвращались из магазина. Перед подъездом дома малыш выдернул из руки матери маленькую мокрую от дождя ручонку и, крикнув, что убежит к папе, рванул через дорогу навстречу своей смерти…

Следствие установило, что я ехал без превышения скорости, а мальчик перебегал дорогу в неположенном месте, в опасной близости от автомобиля. Уголовное дело было закрыто. Суд признал меня невиновным, но моя душа навсегда потеряла покой.

Это была настоящая трагедия не только для родителей погибшего ребенка, но и для всей нашей большой семьи. Мы скорбели все вместе.

Помогли несчастным родителям с похоронами, поддержали их морально и материально. Родители мальчика приняли мою помощь, не проклинали меня, но избегали смотреть мне в глаза и старались меньше встречаться.

Довольно долго я не мог прийти в себя. Буквально сразу продал машину и порезал водительские права. Все вокруг говорили, что я не виновен, но мне казалось, трагедии можно было избежать. Во сне я видел, как мальчик улыбается мне, а затем перед глазами возникали золотые кудряшки, залитые кровью. Я в ужасе просыпался, иногда от собственного крика.

Все глубже впадая в депрессию, я пытался уйти в работу, замкнулся, перестал встречаться с родными, отвечать на телефонные звонки. Через год меня прямо из-за рабочего стола забрали в больницу с обширным инфарктом…

Когда после реанимации меня перевели в общую палату, там меня ждала вся моя большая семья. По их лицам я понял, что выгляжу очень плохо. Мама с девчонками стали плакать навзрыд, папа с трудом сдерживал слезы. Только моя младшая племянница, очень похожая на свою маму, недоуменно посмотрела на всех и сказала: «Хватит рыдать – больные утонут».

После секундной паузы слезы сменились коротким смехом и улыбками. С той самой минуты я никогда не оставался один. Все было как в детстве: Оля – воспитывала, Настя – развлекала, Машенька – кормила чем-то вкусненьким. Мама читала мне вслух книги, папа требовал наследника, но теперь уже от меня.

Учитывая прежние микроинфаркты, спровоцированные аварией, которые я перенес на ногах, пришлось делать операцию, после которой врач заключил, что если я не приведу свои мысли в порядок, не настроюсь жить – умру в ближайший год…

Отец снова решил взять все в свои руки. Каждый день мы ходили вместе, сначала по два, потом по три, а затем по пять километров.

Через три месяца меня выписали из больницы. Отец вместе со мной записался в бассейн. Девчонки просили то отвезти, то забрать своих отпрысков из детского садика. Каждый день был полон необременительной работой, приятными эмоциями и физическими нагрузками. Потихоньку каждодневные заботы в сочетании с правильной физической нагрузкой вернули меня к жизни.

Следующим летом я решил отправиться отдыхать на море. Родня пыталась присоединиться к моему отдыху, но мне хотелось побыть одному.

Оказавшись в профилактории, я понял, что скучаю по своей сумасшедшей семейке.

Мне хватило суток, чтобы обследовать корпус. Пляж рядом со здравницей оказался грязным. Местные жители рассказали, что чистое море – только в пяти километрах за городом. Мне приходилось каждый день проходить по пять километров туда и обратно,

чтобы добраться до чистой воды.

Пляж оказался чудесным. Белый чистый песок в сочетании с великолепным изумрудным морем подарили беззаботную радость, первую за несколько лет. Людей на пляже было немного. Тишина, покой, морской терпкий запах создавали особый, нереальный, словно сказочный мир.

В один из дней, кажется, это была суббота, мое внимание привлек повышенный голос какой-то мамочки, которая не могла убедить сына надеть панамку и не бегать купаться у находящихся неподалеку больших камней, потому что там очень глубоко.

Спор был бесконечным. Мальчишка примерно семилетнего возраста говорил, что там интересно, по камням ползают крабы, а в воде видна стайка красивых рыб. В конце концов мама за послушание предложила купить сыну мороженое.

Хитрец сделал вид, что сдался.

Мама пошла за мороженым, мальчишка к большим камням, а я решил вздремнуть.

Через несколько минут меня осенило, что продажа мороженого была только у входа на пляж, а мы находились на другом конце, и мамаше пришлось бы отсутствовать не менее пятнадцати минут, учитывая стояние в очереди.

Какое-то тревожное чувство заставило меня подняться и посмотреть в сторону больших камней. Мальчик в белой панамке стоял по колено в воде и что-то внимательно рассматривал под ногами. Тогда я успокоился и вновь погрузился в сладкую дрему.

Через несколько минут я проснулся от крика вернувшейся с мороженым мамочки, которая металась по берегу и звала своего сына. Мое сердце сжалось от дурных предчувствий.

Я бросился туда, где видел ребенка в последний раз. Панамка лежала на берегу. Мне пришла в голову мысль забраться на камни и посмотреть сверху сквозь толщу воды. Глубина у камней была сравнительно небольшая – пять-семь метров, и полуденное солнце легко прошивало своими лучами расстояние от поверхности до самого дна. Сверху было видно все как на ладони. Тело мальчика лежало у подножия огромного валуна. Видимо, он случайно свалился с него в воду и захлебнулся от страха.

Я прыгнул в воду и вытащил маленького утопленника.

Сначала перевернул ребенка лицом вниз, положил к себе на колено, пальцами разжал ему рот и удалил воду из гортани, потом начал делать искусственное дыхание. Набежавшим охающим зевакам сказал, чтобы вызвали скорую помощь и постарались успокоить бившуюся в истерике маму ребенка. Она мешала работать. Целый час без остановки мне пришлось делать искусственное дыхание и массаж сердца. Но все было напрасно. Пот катился с меня градом и застил глаза, падая обильными брызгами на веки ребенка и его бездыханную грудь. Скорая все не ехала. Как оказалось, врачи перепутали наш пляж с другим диким пляжем на противоположном конце города. Я не сдавался.

В какой-то момент из моей груди сам собой вырвался крик отчаяния настолько сильный, что стоящие рядом люди поневоле отпрянули от меня, а мать ребенка сразу притихла.

Я просил Бога оставить ребенку жизнь, а вместо нее забрать мою.

Возможно, крик сработал как сильный дополнительный раздражитель, к тому же мой соленый пот скопился в больших количествах в уголках глаз ребенка и стал разъедать его глазную оболочку, но только веки мальчугана дрогнули, и он тихо произнес: «Дяденька, очень режет глаза».

Позже врачи объяснили, что при проведении реанимационных мероприятий может иногда не хватать какой-то последней малости, последнего раздражителя. А тогда я буквально свалился от усталости и нервного перенапряжения рядом со спасенным мною

сорванцом. Сердце мое предательски срывалось, словно в обрыв от страшной перегрузки и выкарабкивалось вновь, с каждым ударом подъем становился труднее. В глазах разлилась густая розовая пелена, в которой отчаянно барахталась моя жизнь.

В чувство меня привела изрядная порция нашатырного спирта, которую мне подсунули под нос врачи из подоспевшей наконец-то скорой помощи.

Мама ожившего ребенка плакала навзрыд, едва успевая произносить слова благодарности между всхлипами. Ее слова доносились до меня из какого-то далека, словно с того света, перекатываясь в моей голове мощным гулким эхом: «Спасены и он, и я!»

Накупив подарки родным, через три дня я вернулся домой. Снова пошел работать в свой торговый порт. Нашел ту самую девушку, похожую на мою сестру, с которой когда-то не состоялось наше свидание. Узнав, что она одна, предложил начать все сначала. Ничего не забылось, но мне снова захотелось жить.

Моя Аленушка подарила мне счастье и наследника, обладателя золотых кудрей. Однажды, проезжая в такси, я увидел тех самых родителей, за руки которых держался розовощекий крепыш. После чего мое сердце совсем перестало болеть.

Ариша ЗИМА